

Т 18

Р 32519

М. ТАНК

Янук Сямба

ГОСЛИТИЗДАТ
ОГИЗ - МОСКВА

МАКСИМ ТАНК

ЯНУК СЯЛИБА

ПОЭМА

*Перевёл с белорусского
П. Семьнин*

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы*

МОСКВА 1944

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Послушасшь, глянешь —
Такая краина:
Где ступишь — там эхо,
Там сказка, былина...

На перекрёстке полевых дорог
Давно стоит село Червонный Лог.
Дугой к востоку — вековечный бор,
На запад — край лешачьих мхов, болот,
Где в глуби зачарованных озёр
Глядятся только небо да чарот.
Здесь некогда, — рассказывал Егор, —
Из кабака да прямо в пекло чорт
Гнал за долги его.

Но дед схитрил:
— Нескладно, — молвит, — без лаптей шагать
Мне в гости к бесам.

И уговорил,
Чтоб лыка чорт пустил его надрать.

Чорт отпустил Егора,
сам прилёт
Вздремнуть с устатку на зелёный мох.
„Куда, — решил он, — деду убежать?
Кругом трясына,
бурелом,
завал...“

А дед тем часом, кончив лыко драть,
Травы сухой да сучьев натаскал,
Приладясь, искру выбил кремёнком,
Подул — и вмиг, охваченный огнём,
Костёр взметнулся.

Пламя меж ветвей
Пошло весёлой белкою скакать.
Чорт глянул,

сморщился да поскорей,
Слома рога, бегом в лесную гать.

Ну, малость, может, дед и привирал,
Но здесь в бору и вправду бушевал
Огонь когда-то — сущие слова!
Ещё и нынче различишь следы.
Растёт на выгорах круглец-трава,
И пни сожжённые торчат из-под воды.
Простор, отрада диким птахам тут —
Для всех найдётся пища и приют:
Для вальдшнепа,

бекаса

и чирка,—

Весельем их все заводи звенят;
Из хаты выйди только за тока —
И скрипок свадебных уж не слышать.

А нынче в новой хате Янука
Играл на скрипке Тишка-музыкант.
Он с Януком с ребячьих лет дружил,
Батрачил вместе.

— Так пускай поёт
От хмеля кровь, весь белый свет кружит! —
Пируют гости, хата в пляс идёт!
Счастливая, на лавке за столом
Сидит Раина рядом с Януком.
На ней убор венчальный, кружевной,
А уж сама — весна во всей красе,

И очи майской светятся зарей.
Любуются на молодую все.

Вкруг жениха — свои: кузнец Толкач,
Заруба — фельдшер, брат и тесть Лукаш.
Лукаш грозитя:

— Друзе мой, Игнат,
В тебя заряд я соли загоню!

На кой ты ляд в колхозный аппарат
Кандидатуру выставил мою?

Ты не гляди, что малость выпил я,—

Ну где там председатель из меня?

Охотник я, и знаешь ведь какой,—

Услышу только,

хоть в рабочий час,

Как тетерев токует за рекой —

Всё брошу и с ружьём сбегу от вас...

А чистый голос скрипки

всё звончей

Из-за столов скликает в круг гостей.

И вот уже Раину, Янука

Горячий ветер танца опалил,

Под звонкий ритм

цимбалов и смычка

Пред ними настезь двери отворил,

Повёл широким шляхом на простор,

На берега синеющих озёр.

То, кажется, колосья шелестят,

То бурь весенних светлый гром летит...

А это только каблуки трещат

Да солнце

в молодой крови звенит!

Вокруг весёлый шум кипит котлом,
Один Гарыдовец понурый за столом
Сидит, задумавшись:

„Эх, проморгал,
Хоть был, кажись, и ловок, и хитёр,
А все ж Раиной вон кто завладал“.
И так во всём нескладица, разор!
Была пора — с вельможами дружил,
Ушли денёчки, кончились, отжил!
Он водку пьёт, не отводя очей
От Янука;

огонь в душе хмельной
Печёт его всё яростней, больней,
Уж нету сил, хоть бейся головой.

Червонцев кипу, выгнувшись, что зверь,
На струны кинул:

— Одному теперь
Играй мне, Тишка! Думаю ещё
Я на поминках добрых погулять!..
— Спешешь, Гарыдовец, а вдруг — просчёт,
И нам тебя придётся отпевать.
Себе на гроб побереги рубли... —
Сказал Янук.

Скамейку отвалив,
Гарыдовец, рыча что было сил,
Обрушил стол...

Нож заблестел в руках...
На помощь брату кинулись Василь,
Кузнец Толкач, Игнат и тесть Лукаш.

Из окон на пол брызнуло стекло.
Вино ручьём под лавку потекло.
Гарыдовец же кликал свояков:
— Скорей хватайте колья, топоры! —
Но те от страха не слышали слов, —
Попрытались, как в бурю комары.
Один лишь только деверь Митрофан,
На лавке стоя, повторял:

— Баран!

Чего упёрся в стену пьяным лбом?
Смывайся прочь, покуда ходишь сам!
Вослед Гарыдовцу Янук ведром
Пустил,
 аж обруч треснул пополам.

Как в улье, что хозяин растворил,
Нескоро шум замолк, и наступил
Покой в дому.

 Раина, со свечой,
Смеяся, подбирала у стола
В подол куски посуды расписной:
— На счастье столько звона и стекла!..
Янук к возам шагнул через порог,
Где крепко спал Толкач и с ним Тимох.
Василь из хаты крикнул:

 — Не забудь,
Мне завтра ехать...
 — Не забуду, нет..
Хотел он было к дому повернуть,
Да не успел — свалился на гумне.

И снится Януку:

 Весна... восход...
Средь яровых Гарыдовец идёт,
И там, где межи плуг перепахал,
Он вновь камня положить спешит.
Потом, пригнувшись, к солнцу подбежал
И вдруг плечом упёрся, чтоб скатить
Его к себе на поле.

 Но Янук
С другого бока не даёт ему.
И вот качаются по-над землёй
То день, то ночь...

 Но всё ж лучистый лик
Янук вздымает сильною рукой

Всё выше, выше...

Сон порвался, сник...

Хмельной туман клубился в голове.
А Януку казалось, что в траве
И в небе многозвёздном слышит он
Не голоса бессонные сверчков,
Не комариный серебристый звон,
Не пересвист и трели соловьёв,
А дивной скрипки тишкиной игру
И пенье свадебных

чистейших струн.

Закрыв глаза. И снова тёплый сон
Его качнул...

Но кто-то помешал,
Придя из тьмы негаданно, и он
Горячий, быстрый шопот услышал:
— Янук, пора. Уже начало дня.
Василь давно ушёл искать коня.
Скорей вставай!..

— Раина, ты пришла?

Так не беги же, подождут дела.
Мой ранний жаворонок золотой,
Ещё все травы спят в росе ночной,
Ещё все звёзды на небе горят!..—
И он, целуя, начал обнимать
Её во мраке.

Словно в полусне

Она лежала на его руках,
Прильнув к груди широкой Янука...

Я знаю, критики запишут мне
Во грех венчанье это

на гумне,

И, может, будут классики бранить,
А больше всех рифмованные лбы,
Что сами в жизни любят погрешить,

Но чтоб герой уж из бетона был
И чтоб жене, впопад и невпопад
При всяком случае твердил доклад.
Я рад, что в молодости мой герой
Поэм таких старался не читать...

.
А чтоб убавить сплетен злых число,—
Хоть повредить они не смогут нам,—
Еще я несколько добавлю слов
И биографию героя дам.

Батрачило село Червонный Лог.
Подпаском свой отеческий порог
Янук покинул.

У панов служил,
Рыбачил, Неманом плоты гонял,
В рядах повстанцев с кобринцами был,
Потом, как водится, в острог попал,
Откуда натиском народных сил
Его сентябрь червонный¹ возвратил.
О, памятные даты встреч
С отчизной вольной!

Он едва узнал
Свое село в лохмотьях рыжих стрех,
Когда полями нищими шагал.

Сады пылали золотым костром.
Вдруг у колодца девушка с ведром
Его спросила:

— Ты откуда, чей?
— Найду вот хату, может, буду твой!—
Так пошутил.

А у избы своей

¹ В сентябре 1940 года в западных областях Белоруссии олею народа была установлена советская власть.

Припомнил девочку, что бегала босой, —
Раина? Дочь охотника? Ну да!
Как расцвела за краткие года!
А он как будто побыл на войне:
На лбу скитанья проложили след,
А в синеве очей, в их глубине
Сгустилась тень от пережитых бед.

Да, жизнь была наставником крутым,
Но всё ж не погасила ветром злым
Поэта в нём и ясную любовь,
Какую в сердце он берёт и нёс
К своей отчизне,
 к свежести лугов,
К родимым нивам,
 к шелесту берёз.
Бежит сегодня сон от Янука,
Как будто вновь с дорожного песка
Ветра былое подняли кругом.
Но как далёки эти тени все!
Бескрайный шлях лежал пред Януком
В невиданной,
 сияющей красе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вышел я на берег, все обступили
И про улов мой пытаются счастливый;
Видно, давно рыбаки не ловили
Песен весенних из рек молчаливых...

Окончен сев колхозных яровых.
От гумен и до сосен вековых
Лежат — впервые — без границ поля;
Как стол на свадьбе скатертью-парчой,
Прибралась разом
 всходами земля.

И этот стол Гарыдовцу рукой —
Сам знает — не свернуть,

хоть будь он львом.

Шагает он зелёным ячменём,—
Все межи заравнял стальной лемех,
Но он привычным глазом узнаёт
По валунам —

следам недавних веж,—

Где тут чужое было, где своё.

— Уж не вчерашнего ль ты ищешь дня,
Гарыдовец?..—

Тот медленно поднял

Глаза тяжёлые:

— Что ж, разгадать

Меня не трудно, знаешь ведь сама:
Я вышел, чтоб тебя здесь увидеть...
Нет жизни мне... Вконец схожу с ума!..
Вот только ты ещё передо мной
Стоишь надеждой доброй и зарей...
Раину страх внезапный обуял,
Как быть не знала с ним наедине.
— Ты пьян иль вправду разум потерял,
Скажи? К чему так говоришь ты мне?

— Постой, Раина, выслушай, прошу:
Давно я в сердце боль свою ношу,
Ещё с тех лучших, памятных времён,
Когда я сильным был в дому своём,
Когда сам войт,

пан капитан Шарон,

Считал за честь пить за моим столом.
Теперь, как видно, проклят я судьбой —
Нещадной бурей дом разрушен мой,
Дом, где не раз так ясно видел я,
Как солнце стены золотит лучом,

И ты в семье — одна любовь моя —
Сидишь
 под образами
 за столом.

Как пыль, развеяны мои мечты!..
Что в этом каторжнике видишь ты?
Ему отрада не любовь — колхоз;
Покуда ж райские его сады
Взойдут плодами,
 сколько горьких слёз
Проглотишь ты и вынесешь беды.
Я знаю — ты упряма и горда,
Но не кляни меня, хоть иногда
Позволь ходить мне по твоим следам,
Позволь глядеть в глаза твои подчас!..
Я верю: в жизни на дорогах нам
Назначено сойтись ещё не раз.

— Нет, нет, Гарыдовец, у нас пути
С тобою разные... Нам не сойтись...
Люблю другого я, и только с ним
Всю жизнь свою навек связала я.
Пуускай по топям, по горам крутым
Меня ведёт любовь, судьба моя,
Но помни, знай: ни ты, ни кто другой
Меня с дороги не собьёт прямой.
Ты всё святое для меня клянёшь,
Твоя любовь горька, как та полынь,
Что прорастает на полях сквозь рожь
Не для добра.

 Забудь её, откинь!..

Слепой, слепой! Как он решиться мог
Просить пощады, ползая у ног
Раины...

 Кто, зачем теперь он ей?
Забыла, как он правил всем селом

И как не раз с толпой покорных жней
Она к нему являлася с серпом!
При этих мыслях душу всю огнём
И боль и злость вдруг опалили в нём...
Как будто тучи грозовая тень
Застлала мир пред ним со всех сторон,
Когда ушла она...

Но чистый день
Сиял всё так же, солнцем озарён...

Весенний ветер нёс из-за дубов
Далёкий шум и всплески голосов:
То пастухи гонялись за волком
И улюлюкали.

На этот гам
Уже спешил Лукаш с дробовиком,
Кляня весь свет:

— Ведь это ж стыд и срам,
Ведь засмеют нас люди поделом:
В село охотников, не ночью — днём
Мы позволяем — дóжили! — зверям,
Как в дом к себе, открыто забегать!
Сто раз твердил — пора облавой нам,
Давно пора, все чащи прочесать!..

За хлопотами первой посевной
И часу он не выискал весной
С ружьём в бору пошляться. И серчал,
Едва в полях слышит гончих лай:
— Живут же люди, чорт бы их побрал,
А тут хоть в гроб ложись да помирай!
Янук потешить старика решил:
— Нам разве кто охоту запретил?
Ты след звериный где-то видел там,
Ты знаешь их берлоги за рекой,—
Так медлить нечего с облавой нам,
Сбирай команду и веди на бой.

Со старика слетела мигом тень.
Осталось выбрать посвободней день,
Чтоб на облаву из соседних сёл
Могло побольше подойти людей.
А чтоб порядком подготовить всё,—
Чуть брызнет свет, он вскакивал скорей.
Ружьё своё осмотрит до курка
Иль снимет рог пороховой с крюка,
А то в патроны медные вобьёт
Шрапнель такую, что слону как раз.
Всё толком оглядит, переберёт.
И только ждёт — скорей настал бы час!

Нехитрый скарб, но дед его берёт:
И дробовик испытанный, и рог,
И сумку из надёжнейших шнурков.
Чего в неё старик не наберёт!
Приманок разных на зверей, силков,
Целебных трав со всех лесов, болот,
Таких, что нет в аптеках в городах,
И дудок птичьих!

Видно неспроста
Ходила слава, что Лукаш — ведун;
Своей игрой на дудках и манках
Заворожить он мог хоть на лету
Любую стаю

прямо в облаках!..

Перед облавою всю ночь в Логу
Червонном слышался немолчный гул.
Девчата на закате за селом
Водили хороводы у огней,
И эхо песни звонкие несло,
Как вешние потоки среди камней,
В которых майская заря звенит
И сердцу замыкаться не велит.
Народу много собралось в Логу.

Промеж гумён на молодой траве
Охотники гуторили в кругу,
Их было, может, сотня, может — две,
И всякий рвался „случай“ рассказать,—
Лихие были мастаки приврать.
Всех впереди был стóляр Банадык,
Что на сермяге, развалясь, лежал
И, глядя вверх на огонёк звезды,
Казалось, в книге золотой читал,
Написанной великим ведуном,
А может, и самим Банадыком:

„Жил на Полесье музыкант Кулик.
Уж так играл —

по сердцу вёл смычком!

Никто, как он, не мог повеселить.
Да бог и чорт заспорили о нём.
Заспорили — кому его забрать.
Бог молвит:

— Мой, вся жизнь его, игра

Была лучом, что озаряет день,
Была слезой, что гасит боль и гнев,
Молитвой дивной за грехи людей
И гимном, возносившимся ко мне...—
Чорт сморщился от похвальбы такой:
— Неправду молвишь. Он совсем не твой!
Слагал он гимны — только не богам,
Он славил пахаря, что до зари —
Ты спишь ещё —

встаёт к своим трудам,

Навстречу солнцу душу отворив.
Я по пятам за ним не год ходил,—
Молиться не умел он, не любил.
И хоть из сердца золотым смычком
Мог высечь пламя, бурю и печаль,
Издалека он обходил твой дом,—
Я в кабаке его всегда встречал.

Где кто женился, либо помирал,
Или крестины кто в селе справлял,—
Он с мужиками всюду водку пил,
Нас поносил, играл им трепака,
Аж тучей лапти подымали пыль.
За что же в рай ты тянешь босяка?
Да и ему с тобой прискучит жить.
Уж раз-то можно чорту удружить!
К тому же в пекле некому как раз
Играть для бесов в ночь под Новый год
Иль под Купалу—в час, когда у нас
Заводят ведьмы шалый хоровод...—
Бог почесал затылок:

— Ну, тогда
Пусть сам надумает, пойти куда,—
Иль в пекло ваше, иль в мой райский сад,
Пусть выбирает: мне ль, тебе ль играть.
Навряд ли он запросится назад,
На землю вновь, чтоб вновь там горевать.

Сверкает в небе золочёный рог.
Стоит Кулик на стыке двух дорог,—
Одна—к чертям, другая—к богу в рай,—
Стоит и думает—куда ж пойти?
Но тут он вспомнил свой родимый край
И что не в каждой хате отгостил,
И не на всех крестинах побывал,
И не на всех он свадьбах отыграл,
И не из всех ещё стаканов пил...
Вновь захотелось ему домой.
Поправил лапти, струны подкрутил
И—на Полесье стёжкою прямой!

— Эй, подожди!—ему кричат во след
И бог и чорт.—

Куда же ты, сосед?—
Но уж далече музыкант был наш.

Чтоб повернуть, послали смерть за ним.
И вот, сердешная, без отступу она
И днём и ночью оком ледяным
Следит за Куликом по всем дворам.
Нет-нет да спросит:

— Может, уж пора
Тебе на небо?

— Нет, к чему спешить,
Ещё у чарки я не вижу дна...—
И будет, верно, он вовеки жить,
Друзьям — на радость и на славу — нам...“

Вставал пригожий солнцеликий день.
Но меж дерев ещё дремала тень;
Смола была тверда; туман речной
В ветвях дымился и на гриве мхов,
Но глаз охотника за пеленой
Угадывал в траве и средь кустов
Следы матёрых и когтистых ног,
Что тут и там петляли без дорог.
Лукаш дотошно проверял посты;
Заранее для каждого стрелка
Назначил место в зеленях густых:
— Смотри, ребята, бить наверняка!..

А сам Лукаш укрылся за кустом
Тенистого ольшаника. Кругом
Ему всё видно было напрямки:
Деревья, где Янук с Банадыком
Попрятались, держа дробовики;
Правей, на островке, за ивняком
Стоял Егор под елью вековой.
Для опыта он прошлою весной
На ель колоду с ульем затащил,
Но пчёлы почему-то все ушли,
Лётók же дятел носом раздолбил,—
Охотно жили здесь одни шмели...

Молчали и загонщики и лес.
Егор, оставив дробовик, полез
На ёлку со шмелями воевать,
А может, думал, там найдется мёд.
И взялся так старательно искать,
Что не слышал, как гончие, с болот
Поднявши зверя, гнали на него.
Егор бодался лысой головой,
Когда багровый прибежал Лукаш:
— Вот и оставь медведя! Проморгал!
Шмелей пришёл ловить, а не волка,
Жаль дробью с дерева тебя не снял!..

Волк уходил чрез пасеку — и в лес.
Янук спешил ему наперерез;
Нацелился — осечка.

Волк бежал.

И в тот же миг два выстрела, как гром,
И пули близкой свист он услышал,
Видать, Гарыдовец с Банадыком
Ударили.

Но кто ж так просадил, —
Едва в висок ему не угодил?!
От пули след на дереве краснел.
Янук кивком позвал Банадыка:
— Взгляни сюда, сдаётся, друже, мне:
Нашёл я след двуногого волка...

Зверь, тяжко раненный, к родным местам
Тянулся, оставляя здесь и там
Следы горячей крови на траве;
Ложился,

снова вскакивал,

рычал,

Едва лишь приближался человек,
И снова полз,

и снова кровь терял.

Когда же гончими со всех сторон
Он был уже настигнут, обойдён,—
Круша кривыми лапами ивняк,
Зверь вдруг завыл с такой глухой тоской,
Что дыбом встала шерсть у всех собак
От песни этой гибельной, лесной.

Загонщики хватали злых волчат.
Им помогали дед Егор, Игнат;
И двое лишь — Янук с Банадыком
Сквозь дебри вековые лесов
Шли неотступно следом за волком.
Янук молчал; он думал:

„Видно, вновь
Цепляется Гарыдовец. За что
В меня он выстрелил из-за кустов?..“
Тем временем к дороге вывел след.
Колёс донёсся близкий перестук.
— Волка нигде тут не видал, сосед?—
Встречь Митрофану закричал Янук.

Тот осадил коня.

— Нет, не видал...
Всё веселитесь? Дело бог послал!
Боюсь, самим придётся бегать нам...
— Что так?— спросил, нахмурясь, Банадык.
— Не слышал? С немцем началась война...—
И вдруг глазами, острыми, как штык,
Царапнул, усмехаясь, Янука.
Сялиба только побледнел слегка.
Молчали долго.

Дикий бор шумел.
— Ну, что же, ладно...— произнёс Янук,
Хоть сам никак поверить не хотел
В лихую весть
про новую войну...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Чёрной тучей беда
Навалилась на хату.

1. в народной песне

Придя однажды вечером к себе,
Гарыдовец застал в своей избе
Гостей, что ввек не думал встретить он.
— Не узнаёшь,—воскликнул Митрофан,—
Хозяина? Скорей вздувай огонь
Да на окно зипун там иль кафтан
Повесь, чтоб лишних не манило в дом!..—
Гарыдовец увидел за столом
Былого войта.

— Капитан Шарон!

В потёмках не заметил,—вот-те на!
Что ж вас до наших принесло сторон—
Попутный ветер добрый иль война?..

— И то, и сё, почтенный...

Много дел

Заставило меня в родной предел
С варшавских плацев и берлинских штрасс¹,
Покинув всё, вернуться поскорей.
Признаться, часто тосковал без вас.
Про всё поговорим. Теперь налей
Стаканы нам—да и себе—полней,
Уважь, хоть и непрошенных, гостей.
— Зря обижаешь, пан. Я всей душой...
— Спасибо, верю. Значит, можно нам
И за свиданье, и за новый строй
Вот эти чарки осушить до дна!

На Белорусь осадником Шарон
Пришёл когда-то. Жил привольно он,

¹ Ш т р а с с е — улица (немецк.).

Хоть и не раз пускали петуха
Под крышу войту за его суды;
Но, знать, мужичья месть была легка
И слаб соломенный расплаты дым.
И лишь восточный ветер в добрый срок
Сдул пана войта, будто пыль с дорог.
Шли слухи, что Гарыдовец тогда
Шарона прятал в пуньках и стогах,
Потом он где-то сгинул без следа
В далёких и неведомых краях.

— Ну, что ж, почтенный,— начал вновь Шарон
(Так величал лишь самых близких он),—
Я не забыл, как жизнь когда-то мне
От ярых вил мужицких ты сберёг,
Как через реку перевёз в челне
И за границу выбраться помог.
Я помню всё и на добро добром
Друзьям отвечу,—век стою на том.
Но горько будет тем, поверьте мне,
Кто в хате мой порог переступил,
И на моём хозяйничал гумне,
И мой надел плугами бороздил.
Мне всех их нужно вызнать имена,
Чтоб заплатить за все года сполна.
Пиши же, Митрофан, всю эту „знать“,
Пиши!

А ты, почтенный, наливай!
А что ж хозяйки в доме не видать?
Гляди, как поседеет голова,
Поздненько будет, отойдёт пора...—
Гарыдовец смолчал.

Из-под пера
У Митрофана список рос и рос.—
Уж полсела он накатав врагов
И, видно, спьяну в их число занёс
Всех ребятишек, баб и стариков.

— Ты и покойников бы в этот строй,—
Эх, писарь!. Где тут чорт, а где святой,
Не разберёшь по записи твоей!—
Ворчал Гарыдовец.— Поехал вкось!
Есть, брат, враги у нас и поважней.
Пиши Игната. Он делил покос
И землю.

Дальше ставь Банадыка
И главаря Сялибу Янука...
— Уж не Раину ль взял ты на прицел?—
Мигая войту, Митрофан спросил.
И пьяный хохот в сумраке взлетел,
Как ворон разжиревший средь могил.
— Смеёшься ты— за полверсты слышать,
Гляди, с огнём не стоило б играть,—
Гарыдовец, нахмурясь, отвечал.
Чтоб их отвлечь от ссоры, пан Шарон
Свой парабеллум новенький достал:
На нём сверкало чистым серебром—
Год, день войны и надпись: „Фюр кюнгайт“¹.
— Вот, познакомятсь-ка, мой верный брат...—
Гарыдовец побольше свету дал.
У Митрофана вырвался аж стон,
А „верный брат“, как молния, блистал,—
Не зря им похвалялся войт Шарон.

Была та ночь удушлива, темна.
Когда ушли все, стоя у окна,
Гарыдовец услышал дальний гром,
И горький чад ему царапнул грудь,—
Уже пожарищ огненным крылом
Война охватывала Млечный путь.
Но радостно он этот чад вдохнул:
К селу несло и зарево и гул.
Он словно солнце с запада встречал,

¹ Ф ю р к ю н г а й т — за отвагу (немецк.).

Он думал, глядя на простор полей:
„Господь опять мне руки развязал,
Теперь, Раина, будешь ты моей...“

К полудню шляхом вековым в пыли
Обозы раненых и беженцев пошли,
Как волны вспененные, на восток.
И стон,
 и плач,
 колёс засохших скрип,
Трёхтонок рёв,
 бичей поспешный щёлк —
Сливалось всё в один тоскливый крик.
И вдруг —

 фонтаны пламени, земли:
То с поднебесья всё живое жгли,
Кружась, за „Мессершмиттом“ „Мессершмитт“;
Валились люди, рвались кони вскачь
В зелёной ржи, у сломанных раки...
Потом опять дорога, пыль и плач.

Шли на восток,
 шли все, кто не хотел
Увидеть, как могильной ночи тень
Закроет солнце над родной землёй.
Всей тяжестью, обрушенной с плеча,
С корней срывая жизнь перед собой,
На мирный край война неслась, рыча.
Стальные оцетинивши штыки,
С боями мимо двигались полки
На новые заставы.

 У домов

Бойцы воды просили ключевой;
С горящих звёзд на касках, со стволов
Слетала пыль и тёк звенящий зной.
И хоть бок о бок шли они с бедой,
На загорелых лицах был покой.

На время — знали — покидали всё:
Залитый золотом смолистый лес,
Раздолье нив, тепло родимых сёл
И матерей печальных и невест.
Тут были москвичи, сибиряки,
Грузины, украинцы, калмыки —
Земли советской вольные сыны.
— Не плачьте, скоро мы придём назад! —
Так говорили, веруя, они
И осушали матерей глаза.

Раина вглядывалась в даль с тоской,
Где меж хлебов, как в синеве морской,
Возы тонули, где закат горел,
И ярким маком дерзостно цвели
Казацкие кубанки на горе,
И где лиловый суховой пылил.
Когда ж исчезло всё и мрак навис,
Ей показалось вдруг, что это — жизнь
Снялась,

покинула Червонный Лог.

И хоть из близких не ушёл никто,
Она, переступив родной порог,
Вдруг ощутила хату сиротой.

Опять, опять недоля и беда.
Быть может, вновь придётся покидать
Родную землю и сквозь ночь брести
Иль на восток,

иль в дикие леса,

Скитаться в дебрях,

падать на пути,

Дрожать под ветром, хлѣстким, как лоза.
Сняла с шеста льняные рушники,
Расшитые в ромашки, васильки;
Ковры, узорные, как луг весной,
Где золотой основой легли

Напевы — думы старины родной
И сказочные
колеры
земли.

Наряды все раскинула, в каких
Ходила жать
и завивать венки.

И плач Раине горло захлестнул, —
Всё, всё кругом напоминало ей
Иные дни,

прошедшую весну,
Когда весь мир зарёй сиял пред ней!
Янук библиотеку с полок снял,
Чтоб немец сапогом не растоптал.
Тут были Гейне, Пушкин и Толстой,
Мицкевич, Горький и Купалы том
В серебряной оправе дорогой,
И кипа писем, связанных шнурком.

Вот это брат писал из городов,
Где он учился,

это — от бойцов
Отряда Калиновского, в каком
Сражались в Испании они.
— Где вы, друзья? Неужто вас песком
Далёко от родимой стороны
Засыпал ветер, что в горах гудит?
Вас помнят Гвадарама и Мадрид,
Вас помнит Белорусь...

Но пасаран!¹

Нет, не пройти коричневой орде!
Пусть нынче в тучах грозových заря,
Но встанет скоро нашей правды день!

¹ Но пасаран! — Не пройдут! (испанск.) — боевой клич антифашистов — защитников Мадрида.

Янук читал поблёклые листы,
А перед взором двигались ряды
Друзей, что умерли в боях с врагом,
Который вновь сегодня губит всё
И вновь, как там, чугунным сапогом
Идёт по пеплу городов и сёл.
Янук читал, и строк истлевших строй
Дышал великим гневом и борьбой.
Он думал:

„Вот когда мой час гремит;
Друзья мои, за вас, за вашу кровь,
Что на полях Испании горит,
Свою по капле я отдать готов!..

Янук с Раиной вышли за стога,
Где зеленели пышные луга.
В зловещих тучах

солнца лик

тонул...

И вдруг Гарыдовец:

— А вы куда?

Уж скоро ночь и ветер вон подул
К дождю. Какая гонит вас беда?—
На нём надет был праздничный пиджак,
Белел кистями дорогой кушак,
Как будто в гости он кого-то ждал,
Томясь от счастья.

Ясно же, кого!

Друзей немецких нынче он встречал.
Сялиба молча обошёл его.

На поле ветер жито волновал,
Свистела острокрылая трава
На выгорах,

и тьмью облаков

Качалось небо над седой рекой,
Когда Янук с Раиной меж кустов

Прошли по гатям в сумрак боровой.
Червонный Лог уже далёко был,
Чуть-чуть виднелися на выгоне дубы;
Оттуда нёсся пулемётов треск.
Янук прислушался, припав к кусту.
Гудел шмелиным гудом хмурый лес.
Вдруг крупный дождь

затормошил листву.

Теперь уж брался каждый шаг с трудом:
То пни,

то непролазный бурелом
Во мраке приходилось обходить.
Нигде тропинки не встречал Янук.
Раина падала, стараясь слёз не лить.
— Держись, ещё в пути не мало мук!
— Не за себя мне боязно, родной,
А за дитя, что в этот срок лихой
Придёт на землю взорванную жить.
Как заслоню его от всех ветров,
Где мне ласкать его, беречь, любить!..—
Они взошли на холм под сень дубов.

Янук понёс Раину на руках.
— А может, будет жизнь его легка,
И, может, ясный путь пред ним лежит!..—
Он говорил, а шум дождя, крушин,
Раскаты грома, сполохи зарниц,
Пугая, гнали полуночных птиц.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Ветер долю, как песню,
Растоптал и развеял
По дороге сиротской,
По дороге широкой...

Из народной песни

Забытая людьми,
который год
Смолярня пустовала меж болот.

По плечи

сруб увяз

в сырых песках,

А крышу мох косматый покрывал,

В насквозь прогнивших

смоляных пазах

Росла густая дикая трава.

Вокруг шумел бескрайный древний лес.

Янук с Раиной задержались здесь,

Чтоб осмотреться, подождать, пока

Друзья не явятся укрыться от беды.

А через день пришли кузнец Толкач

И с ружьями Лукаш и Банадык.

Они скрывались в гумнах и стогах,

Когда пришли разведчики врага,—

Из автоматов улицу, сады

И весь Червонный прочесали Лог;

— Затем,— рассказывал —

сам видел! — Банадык,—

Как, шапку скинув, вышел на порог

Гарыдовоце,

как немцев он встречал.

И войт Шарон бок о бок с ним стоял.

На нём, должно от непогоды, был

Надет чужой затасканный азам.

Пан по-немецки что-то говорил,

Одно я понял слово:

партизан...

Сялиба, слушая, соображал:

Чего в Логу Червонном войт искал?

— А может, был то вовсе не Шарон?

— За две сажени от меня стоял,

Как ошибиться, ясно видел — он!

И в пекле б эту гадину узнал...—

Янук нахмурил брови и умолк.

Ну вот, опять вернулись волки в Лог.
Дороги нет теперь ему назад,
Одно убежище —

бескрайный бор,
Где только сосны в облаках звенят,
Где только мох,
богунник
да чабор.

Он с детства знал, как брата, этот лес,
Хоть в полночь отыскал бы выход-след
Среди рогатых, как зверьё, колод,
Завалов непролазных,
вековых.

Вдруг из-под ног его, шурша, как чорт,
Чуть-чуть не сбросив шапку с головы,
Тяжёлый тетерев метнулся прочь...
Теперь Янук уже и день и ночь
Вокруг села родимого кружил,
В кустах скрываясь, в зарослях травы,
За каждым стуком на селе следил
И доползал не раз до часовых.

Ему хотелось проведать дом,
Взглянуть, — что там, — хотя б одним глазком.
И с каждым днём его сильнее влекло.
Янук решил сходить с Банадыком
За хлебом, за одеждою. Село
Туман в то утро прикрывал кругом,
И незаметно пробрались они
Задами через гумна и тыны.
Всё было тихо, словно смерть вчера
Здесь отыграла свадьбу и вповал
Всех заморила.

Мутная заря
Была мертва. И каждый дом молчал.

Лишь воронье проклятое вокруг
Кричало хрипло, раздирая слух.
Редел туман...

На яблоне висел,
Колючкой перевитый по рукам,
Кровавый труп.

Янук глядел, глядел
И задохнулся.

— Тишка-музыкант!
— Хоть сам-то ты не лез бы в пасть беды,—
Напомнил осторожный Банадык.
Янук не слышал.

Не сводя очей,
Всё ближе к Тишке придвигался он,—
Как бы хотел запечатлеть полней
Навеки друга

и над ним ворон.

— А не плохой, кажись, был музыкант! —
Внезапно за спиною Янука
Промолвил кто-то. Лязгнул пистолет.
— Эге, как вижу, тут знакомый гость:
Слышал я про Сялибу, парень — ферт,
Проведать друга заглянул, небось? —
Янук узнал Шарона. Надо ж ведь
Попасть так глупо, словно рыба в сеть!
Хотел схватить за поясом топор,
На счастье понадеявшись, бежать,
Но пан-осадник тоже был остёр.
Он понял: тут уж некогда зевать.

Поспешно поднял парабеллум свой
И выстрелил.

Над самой головой
Пробила пуля шапку Янука.
— Когда со мной не хочешь говорить,
У коменданта в золотых руках

Тебя приветливым научат быть!..
— А мы успеем, пан, поговорим
С тобой и с катом-фюрером твоим.
Зачем пришёл я,

 верно, знаешь сам,
Уж не за тем, чтоб здесь с тобой гулять,—
Хотел я немцам и их верным псам
Осину поудобней отыскать!

На шум явился мигом Банадык,
Чтоб вызволить Сялибу из беды.
Он из двустволки залп по войту дал,—
Осадник прыгнул в сторону, крича.
Потом, как пьяный, спотыкаться стал
И, тяжело рухнув наземь, замолчал.
Вблизи него валялись на траве
Фуражка сальная и пистолет.
В фуражке был бумаги смятый лист.
Янук его за пазуху вложил
И в тот же миг услышал злобный свист —
Немецкий автомат заговорил.

Они стреляли и кричали:— Рус,
Сдавайся!..—

 Тотчас пистолета спуск
Янук нажал, прогрохотав в ответ
Огнём прицельным,

 и с Банадыком
В хлеба густые, чтоб запутать след,
Нырнул, как в прорубь...

 А когда кругом
Утихло всё, Гарыдовец, как волк,
С оглядкой войта на плечах сволок
К себе домой.

 Пан тяжело дышал,
Но он живуч был, этот человек,

Отметить нужно чем-то этот день.
Но чем? — Ленивый взгляд его нигде
Не задержался.

Женщины толпой,
Ссутулясь молчаливо у воды,
Бельё стирали немцам. Часовой
Стоял за ними.

Облака, что дым,
Тянулись низким небом не спеша.
Он подошёл к избе. Вдруг, трепеща,
В его горсти забрезжил огонёк.
Солома в стрехах вспыхнула тотчас,
И алый пламени ручей потёк,
Под ветром ширясь, весело крутясь.

И вот петух до туч взмахнул крылом,
Запел, забился грозно над селом.
И дом Сялибы, вздрогнув, зазвенел,
Как порох, сразу вспыхнула смола
Янтарная на высохшей стене.
Пожар в минуту обнял полсела.
Он перекинулся на гумна и сады.
С тенистых груш и яблонь молодых
Горячий ветер листья гнал волной;
Как птицы, что являются во сне,
Они взвивались стаей золотой
И гасли, заблудившись в вышине.

Раздался плач детей и баб — сирот,
Его не заглушил и пулемёт.
Он нарастал, как ярой бури стон,
Плыл на поля —

щетинилась трава,
Плыл на озёра —

закипал затон,
Плыл на леса —

сгибались деревья.

С опутанной бинтами головой
В горячке бредил на кровати войт:
— Гарыдовец, ты где же? Слышишь ты?
Стреляет кто-то... Где ж мой автомат?
— Лежите, пан, не дёргайте бинты,—
На воле буря, бьёт в окошки град!..

Он войта успокаивал, а сам,
Дрожа от ужаса, глядел, как там,
На улице, немецкий комендант
С солдатами расстреливал толпу.
А вдруг Раина тоже в этот ад
Попала!..

Бледный, с каплями на лбу,
Гарыдовец порог переступил.
На месте том, где дом Сялибы был,
Средь брёвен тлеющих мертвец лежал.
Хотел он приглядеться поверней,
Но всё застлал взметнувшийся пожар,
И страх сдавил его ещё сильнее.

Как в пропасть, с рёвом завалился сруб.
Повешенного музыканта труп
Качало ветром
с севера

на юг;

Когда же к звёздам прикасался он,
Небес разгневанных железный круг
Звучал над Логом, как набатный звон.
И от него Гарыдовец оглох,
Теперь нигде он спрятаться не мог.
Он знал, из пепла встанет мести зов.
Проклятье, чуял он, гремит в ветрах...
Дрожал, хоть дверь он запер на засов,
Хоть ставни были на стальных болтах.

Червонный Лог весь опустел к утру,—
Кто спасся — скрылся в вековом бору.

И у смолярни старой, что ни дѣнь,
Землянки выросли меж дерев.
Без счёту двигалось сюда людей
Из сёл соседних, дальних хуторов.
Ходили слухи, что Янук разбил
Отряд немецкий. Кто их распустил?
Неведомо. Когда ж у Янука
Про это спрашивали и молве
Перечил правильный его рассказ,
Бойцы не верили ему вполне.

— Ты вести доброй не порочь. Пускай
Она летит, как песнь, из края в край,
Летит призывом,— Банадык сказал.—
Пройдёт за годом год, и в свой черёд
Мы вспомним эту сказку, что слагал
У огнищ партизанских сам народ,
Всё ж будет слава ей— в тяжёлый час
На смертный бой она скликала нас!—
Янук догадывался: верно, он,
Сам Банадык, раскрасил дело так.
Известно было с давнишних времён,
Какой он буйный сказочник-мастак...

С реки послышался шум голосов,
И скоро на поляну из кустов
Кузнец явился. Он кого-то вёл
И на ходу окликнул Янука:
— Вот, погляди, какого я нашёл
Отменного в лесу боровика!
— Не верь, сосед, я сам тебя искал,
Да заблудился в топях и песках,—
Заговорил торопко Митрофан.
Войдя в смолярню, он достал кисет
И, закурив цыгарку, на топчан
Перед столом расшатанным присел.

Янук молчал, стараясь отгадать,
Что этого стервятника загнать
Могло сюда.

Он знал уж, чья рука
Писала войту пакостный донос.
Неужто пан послал его сыскать
Свой пистолет и шапку?

— Ну, так что ж?

Чем нас порадовать пришёл ты, Митрофан?
— Гнездо орлиное ты выбрал, атаман,
Воистину! Но не об этом речь.
Знай: за тебя три тысячи рублей
Дают враги.

И вот, предостеречь
Своих в беде я шёл сюда скорей!..

Он лишь сейчас придумал, что́ сказать,—
Но надо ж было голову спасать.
В отряд Сялибы Курт его послал,
Да заблудился он и вот теперь
К спасенью выход бешено искал,
Петляя, словно от погони зверь.
— А ты, скажи,

за сколько б продал нас?—

Спросил Янук, недобро щуря глаз.
— Зачем грешить?— взметнулся Митрофан,
Не знаю я досель такой души,
Иуды подлого, средь нас, односельчан,
Чтоб выдала своих же за гроши.

Янук из кипы книжек и листов
Достал один и положил на стол.
— Вот помоги узнать нам, Митрофан,
Чьей это всё написано рукой?—
Разведчик вздрогнул.

Огненный туман,
Крутясь, в глазах его потёк рекой.

Узнал он сразу пьяный список свой.
Ну, господи, прости!..

— Где ты достал его?—

Спросил он хрипло и поднёс огонь,
Хоть без того увидел — кончен срок
Житья на свете,

уж не он — другой

Ещё сидел и спичкой пальцы жёг.

Но смерть была страшна. И Митрофан
Заплакал вдруг:

— Меня принудил пан,

Чтоб я подряд колхозников списал.

И только в этом вся вина моя.

— А кто же Тишку им на казнь отдал?—

Вдруг прогремел кузнец.

— Не я, сосед, не я!

И на меня ты зря бросаешь тень.

Гарыдовец дознаться захотел,

Куда ушла Раина с Януком,

И Тишку выдал, говоря:

„Пора

Ему на взмыленной струне смычком

Сялибе-другу свадьбу доиграть“.

Янук побагровел и задрожал.

Ещё бы миг, и сразу б расстрелял

Обойму всю. Едва сдержался он.

— Скажи, ты знаешь, — много ли солдат

Оберегает немца Курта сон?

И как вооружён его отряд?—

От этих, сказанных спокойно, слов

Морозом Митрофана обожгло.

Не помогла мольба. Теперь каюк.

Он даже чудом вырваться б не мог.

Но неужели нынче вновь Янук

Итти собирается в Червонный Лог?

И Митрофан, спеша, заговорил:

— Скажу как есть:

у Курта мало сил.

Кой-где он ночью ставит часовых —

У хаты старосты да на гумне.

А пулемётов,

не совру,

у них

Не доводилось что-то видеть мне...—

Оставшись тут же под замком один,

Как зверь по клетке, Митрофан ходил

Всю ночь и думал:

„Ну, а вдруг Янук

Дознается, что я не то сказал?

Не всё ль равно — в бору здесь крепкий сук

Кузнец уж, верно, для меня сыскал...“

Вокруг смолярни старой с каждым днём

Всё жарче разгорались огнём

Густого вереска медовые цветы.

Заискрились ягоды рябин.

А меж болот на древних мхах седых

Раскинулись созвездья журавин¹.

Земля цвела.

Дождей осенних мгла

Ещё лесные краски не сожгла.

Сентябрьский ветер был размахист, дик,

Он мял цветы,

вдувал костры осин,

И не однажды журавлиный крик,

Как песнь зари, с собою приносил.

Янук глядел, как вольных птиц струна

Со звоном таяла в сияньи дня;

И на минуту грусть плеснулась в нём:

¹ Журавина — клюква.

→ Кто ведаёт, крылатые друзья,
Увидимся ль мы снова, доживём
До песен вольных?

Доживу ли я?

Быть может, возвращаясь вновь домой,
Вы здесь увидите во мгле лесной
И мой приют.

Так протрубите мне!

Я ваш привет на зорях буду ждать
И буду знать: в родимой стороне
Опять

ветра весенние

гудят...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Лесом пошли партизаны,
Месть на врага
поднялася.

Янка Купала

Погожий день.

Не шелохнётся бор.

И лишь под елями трещит костёр.

В золе горячей бульбу¹ вороша,

Поёт себе тихонько Банадык:

„Над чистым полем вóроны кружат,

Над чистым полем слышится их крик.

Один промолвил:

— Знаю я курган,

Где пал с пробитым сердцем партизан

И не поднимется с земли никак.—

Другой ответил:

— Знаю я обрыв

¹ Бу л ь б а — картофель.

По-над Двиной, где молодой казак
Лежит,

глаза орлиные закрыв.—

А третий каркнул, озирая падь:
— По партизану будет горевать
И безутешно-горько слёзы лить
Седая мать,

а по казаку —

Девчина чернобровая тужить;
Летим же дальше, за Двину-реку,
Там поле битвы,—

видел я таких,

Что не имеют никого родных,
Кто их бы днём и ночью ожидал
И слёзы лил,

гоня тяжёлый сон,

И всюду, нас увидевши, пытал:
— Не знаете ли,

вóроны,

где он?..“

Раина слушала Банадыка.

Не о себе ль слагал он этот сказ?
И он теперь остался без семьи,
Сгорела хата,—

жизнь сгорела в ней!

Несчастья, скорби, что снега зимы,
Навеки смыли чернь с его кудрей.

Он бульбу вынул из огня, обтёр
Горячий пепел о траву-чабор,—

Аж золотистый выступил загар,—
Подад Раине:

— Молодица, на!

Ешь на здоровье, небогатый дар.
Как буду кумом —

поднесёшь вина.

— Ты, Банадык, всё шутишь, а вот я
Не верю, что придётся нам справлять
Крестины эти.

Всякий раз, как вы
В разведку выйдете,
мне сон не в сон.

То дикое рыдание совы,
То ветра вой, то словно чей-то стон
Меня пугают, места не найду
И вся дрожу от беспокойных дум:
А может, это кто из вас зовёт,
И нужно поскорей в беде помочь?
Или Янук мой раненый бредёт
Один по дебрям сквозь глухую ночь?..

Он сам ведь никогда не скажет мне,
Что видел и в какой был стороне.
Бойтся взволновать меня. Но я
Всю правду по одежде узнаю,
Когда он спит, измученный в боях.
Не раз шагал навстречу он огню.
Сегодня снова с первой звездой
Уходит он.

Когда, какой тропой
Вернётесь вы теперь к своим кострам?
А мне-то нужен ведь совсем пустяк —
Чтоб Януку и всем его друзьям
Дитя я показала на руках.

Что мог сказать Раине Банадык?
Он знал одно: не вычерпать беды
За малый срок

и некуда умчать
От грозных волн на вороном коне;
И коль беду не поворачишь вспять —
Навек в родной заляжет стороне.
— Не мало нынче передумал я.

Казалось мне: спалённая земля
Не оживёт, не сможет отойти.
Но, нет, развеется пожаров чад,
Обмоют всё целебные дожди,
Зазеленеют нивы возле хат!

Я понял: землю, что из века в век
Кормила нас, поила влагой рек
И укрывала уж который раз!—
От злого недруга, лихих ветров,
Богатство вечное, священное для нас,
И речь родную прадедов, отцов,—
Нельзя покинуть пропадать в ярме!
Готов я жизнь отдать у этих меж,
Чтоб только солнца увидеть восход
И как в полях зелёных бьют ключи.
В краю цветущем, вольном, нет сирот,
Нет ран,

каких бы срок не залечил...

В лесу погасло полымя костра.
Смычками золочёными ветра
Ударили по звонким деревьям.
Янук своё оружие оглядел,
Обнял Раину и поцеловал:
— Ну, не тревожься, чую — буду цел.
— Не оставляй, возьми меня с собой.
Одной так грустно, тяжело, сокол мой...—
Свет смних глаз её напоминал весну,
И мятой пахнул кос тяжёлый шёлк.
Всё это долго ощущал Янук,
Когда один гудящим лесом шёл.

У брода он догнал Банадыка.
Дорогой чёрной стлалася река,
Коренья мёя и косматый мох.
— А где же хлопцы все?— Янук сказал.

— Начальства ждут. Уж недалёко Лог.—
 Янук взгляделся в темень и узнал
 Егора-пасечника, кузнеца, других...
 Как тени, между сосен вековых
 Они, пригнувшись, осторожно шли.
 Когда ж луны разлился жёлтый свет,
 На взлесьи партизаны залегли
 В густой, покрытой инеем траве.

Так, час за часом,
 долго время шло,
 Пока в дремоту погружался Лог.
 В окошке старосты мигал огонь.
 Скрипел журавль в ночные небеса.
 Заржал на водопое чей-то конь.
 Помалу затихали голоса...
 Янук учуял свежий хлебный дух.
 „Там топят печь, а ты глодай звезду,—
 Подумал он.—

И чтобы ночь прожить,
 Хоть с головешкой под боком лежи!“
 Полночный ветер стонет и дрожит
 В листве морозцем схваченных крушин.

Янук глядит, стараясь отгадать —
 Что затаила эта ночь и даль?
 Зачем Гарыдовец огонь палит?
 Иль уж предчувствует расплату он?
 Иль, может, совесть чёрная томит?
 Иль музыканта тень пугает сон?
 — Пора итти! Примёрзли пальцы рук
 К железу,— слышишь, командир?—

Янук

По голосу узнал Банадыка
 И встал с земли.

— Идём, коли пора.

Проверьте ружья!..—

И по лознякам
Повёл отряд с дозорного бугра...

А в хате всё ещё огонь горел.
Курт за столом над картою сидел
С карандашом.

— Так вот она Москва!
Бывал ты в ней, Гарыдовец, иль нет?
Как заберём, могу тебя позвать —
Уж будем пить, гулять на целый свет! —
Гарыдовец же думал о другом:
Червонный Лог стал чёрным пустырём,
А вокруг него в зловещей мгле лесной
Янук гулял с отрядом партизан.
И что-то долго всё не шёл домой —
Уж больше суток — деверь Митрофан.

К тому ж Гарыдовец за краткий срок
Вполне на немцев наглядеться смог.
Курт как-то ночью план поведал свой:
Пройдёт война, затихнет всё кругом, —
Он здесь, в Логу, поставит над рекой
Завод кирпичный, мельницу и дом.
Но ясно было каждому, что Курт
Позарится не только на реку.
Коль вцепится —

всё загребёт в кулак.
Прегорше перца этакий сосед!
Гарыдовец не хочет — как никак —
Быть только спицей в чьём-то колесе.

А выбирать уж поздно — мил, не мил;
Коль сам своею волею решил
С волками жить,

так и по-волчьи вой!..
— Одно меня тревожит малость, пан,

Что могут все дороги под Москвой
Перехватить отряды партизан...
Не смейся, пан! Не знаешь ты людей,
Что нас подстерегают ночь и день
Затем, чтоб пулю меж лопаток вбить.
Покуда их не выловим петлёй —
Нам всем с оглядкой придётся жить,
Всё подтвердит, что говорю, и войт.

Шарон уж поднимался и ходил.
Затягивались шрамы на груди,
Но боль в душе не исцелил бальзам.
И этот шрам Гарыдовец теперь
Разбередил, припомнив партизан.
— Ты ошибаешься, почтенный. Мне поверь,—
Уж не такие сильные они,
Чтоб самодельным порохом могли
Отсель нас выкурить!

— Боюсь я, пан,

Заставит вскорости тебя Янук
За голову свою, за партизан
Повысить втрое первую цену...

Курт молча слушал разговор. До дна,
Казалось, слово он познал — „война“
На всех наречьях,
сжился с ним давно,
Как с чем-то неизбывным и простым;
И лишь в России в первый раз оно
Виденьем страшным встало перед ним.
Он пил,
распутничал,

казнил собак,

Чтоб отогнать, забыть знобящий страх.
Но Курту аккуратно — день за днём —
Вручали списки выбывших солдат...

И даже этот ветер за окном,
Как плакальщица, бился между хат.

Курт скрипку взял, чуть голову пригнул,
Провёл смычком —

и словно луч скользнул
Горячий, чистый.

— Кто это у вас
Мог страдиварий смастерить такой?—
Он с прочими трофеями в Эльзас
И скрипку думал переслать домой.
А потому и спрашивал.

Шарон

У лампы оглядел со всех сторон
Работу тонкую.

Гарыдовец один
Знал мастера, да только не хотел
Про Тишку вспоминать, чтоб не будить
Средь полночи повешенного тень.

— Был человек,— Гарыдовец сказал,—
У нас он эти скрипки создавал;
Умел в бору сыскать деревья он,
Что откликались золотой струной
На песню каждую,

на шелест, звон,
На каждый луч, ниспосланный зарёй.
Вот оттого-то и цены им нет!
Таких немного слышал белый свет.—
Гарыдовец и вправду пожалел,
Что немец эту скрипку захватил,
Под звон которой он когда-то пел
И на весельи у Райны пил...

В сенях упало что-то. Офицер,
Дрожа,
рукой нащупал револьвер.

Но вновь в густом настое тишины
Он только слышал — ветер выл ночной
И в скрипке таял

скорбный звон струны.

— Должно, с поста вернулся часовой,—
Сказал Шарон,—

пора и нам ко сну.

Пойду-ка, ставни лучше приверну...—
Да только войт переступил порог,
В потёмках кто-то сразу за кушак
Рванул его;

ударом сбитый с ног,
Шарон упал, от боли не дыша.

— Неужто, пан, ты двери потерял?

Дай посвечу,— Гарыдовец привстал.

— И в темноте отыщем подлецов!—

Как бич ударил голос из сеней.

Огонь Сялибы осветил лицо

И руку с пистолетом у дверей.

— Кто это, кто?—

Курт отбежал за печь,

Не зная что — стоять ему иль лечь.

Пока же, словно скованный, стоял.

— Что ж онемел, сосед, скажи,

пускай

Узнает храбрый фюрер твой, кто я,

Чтоб веселей душа летела в рай!—

Но, видно, Курт и так уж всё узнал.

За окнами забил, заклекотал

Внезапно пулемёт;

раздался взрыв,

Аж дымом с балок закурился мел.

Курт маузер рванул из кобуры,

Но прежде выстрелить Янук успел.

Держась за шею, Курт стонал, визжал,

На огороде с Януком лежал
Старик Лукаш.

Спокойно, не спеша,
Как на охоте, метко тесть сажил.
Но все патроны вышли, и рука
Напрасно ленту мяла на груди.
А уж по зарослям густого вишняка
Бежали немцы. Одного Лукаш
Прикладом сбил. Но двое Янука
Валили наземь, чтобы взять живым.
— Держися сынку! Не давайся им! —
Кричал Лукаш, хотя со всех сторон
Он сам кольцом был окружён стальным.

Янук, рванувшись, сбросил двух солдат
И, подхватив блестящий автомат,
На помощь кинулся.

— Глуши, Янук,
Глуши проклятых! — всё ещё кричал
Лукаш, ломая чёрную стену, —
Он бил по каскам топором
с плеча.

Янук добраться к тестю не успел.
Он только видел,

как Лукаш осел
И кровь ему зажгла седой висок.
Потом всё полымем заволокло.
На крыше бани пулемёт умолк,
И тяжкий взрыв потряс Червонный Лог.

Путь из села теперь свободен был.
Отряд, отстреливаясь, отходил
По житу к лесу.

На крутых плечах
Кузнец нёс Лукаша. А следом Банадык
Тащил в охапке ружья и ворчал:
— А ты не уберёгся от беды,

Слышь, командир... Возьми-ка мой платок.
Дай помогу...

Горячей крови ток
Вдруг ощутил за пазухой Янук.
— Сам сделаю, иди, не отставай!—
И он спиной оперся о сосну.
Кружилась, тяжелела голова.
Кружилась от усталости и дум,
Что навевал дерёв осенний шум.
От этих дум туманилась душа.
Он знал:

надолго горем захлестнёт
Раину весть о смерти Лукаша,
Слезой полынной очи ей сожжёт.
Он даже боль свою позабывал,
Хоть каждый куст во тьме его хлестал,
И кровью весь рукав его намок.
Жаль было тестя

да и всех ребят...
Гарыдовец же вырвался, утёк,
Успел-таки в неразберихе, гад!

Янук с зарёю увидал свой кров.
Кто знает—может, если б не любовь
Его к Раине,—

не добрёл бы он.
Любовь ему светила в лозняках,
Она гасила в сердце боль и стон
И звёздами указывала шлях.
А может, ненависть к врагам ему
Всё помогла осилить одному.
В тот миг, когда в бессильи падал он
На корневища, на болотный мох,
Пред ним во тьме,
как неотступный сон,
Вставал обугленный Червонный Лог...

Всё шире стался алый полог дня,
Когда Янук, тихонько обойдя
Землянки, чтобы спящих не будить,
Открыл смолярню.

Митрофан не спал.
Увидев Янука, кровь на груди —
Он сразу всё, что было, отгадал.
— Не ожидал увидеться со мной?—
Спросил Янук.— Что ж, не простясь с тобой,
Невесело б мне было в смертный срок
Перед избой Гарыдовца лежать,
А без меня назад в Червонный Лог
Ты сам пути не смог бы отыскать.—

Не думал Митрофан, что поутру
Живым увидит Янука в бору.
Надежда — хоть и малая — была,
Что может он от пуль немецких лечь.
Теперь — конец...

Минута подошла...
Поспешно сняв кожух с широких плеч,
Обвёл глазами хату Митрофан,
К столу рванулся
и схватил топчан,
Чтоб заслониться...

Беспощадный гром
Потряс смолярню, отзвенев меж рам...
И Митрофан,
дохнув широким ртом,
Держась за стену,
тяжко сполз к дверям...

Посыпал первый снег. И в тишине
Желна на старой вековой сосне
Долбила носом медную кору.
Кора шуршала, как осенний лист.
А временами далеко в бору

Был слышен грустный, как прощанье, свист.
 Снег пухом падал с сумрачных небес
 На топи мшистые,
 на тихий лес,
 На жёлтую осеннюю зарю,
 Что листопад разлил по ивнякам,
 И на замёрзший под корягой труп
 Подстреленного
 некогда волка...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

И горели в небе звёзды,
 Как волков голодных
 очи...

Лонифелло

В глухом бору, где сосен вечный шум,
 Друзья курган высокий Лукашу
 Насыпали.

— Спокойно будет тут

Охотнику седому, — произнёс
 Игнат.

Да нет, весенний перегуд
 Залётных птиц, травы, ветвей и звёзд
 Не даст лежать, поднимет старика...
 До лучших дней, на дереве пока,
 Был сделан видный знак Банадыком:
 „Здесь похоронен партизан Лукаш.
 Пусть слава ярким солнечным огнём
 Горит над воином во все века!“

Сменялись зори.

Вьюги день за днём
 Позанесли весь белый свет кругом
 И Лукаша могилу под сосной.
 А всё ещё Раина не могла

Забуть беду, что в горький час ночной
Легла, как тень вороньего крыла,
На сердце пала глыбой ледяной,
Какую трудно растопить слезой.
Когда на нарах раненый Янук
На время смутным забывался сном,
Раина сына не спускала с рук
И тихо пела в сумраке ночном.

— Не плачь, засни, сыночек мой родной,
Чтоб немцы голос не слышали твой
И чтоб в неволю не погнали всех
За реки синие, за тёмный лес,
Где всё не наше:

и слова, и смех,
И в чёрных тучах край чужих небес.
Гудите громче, снежные ветра,
С зари вечерней вейте до утра,
Стеной высокой подымайся, бор,
Запутай, ночка, стёжки навсегда
И звёзд лучистых погаси узор,
Чтоб звери-немцы не пришли сюда.
Не плачь, засни, сыночек мой родной,
Пусть набирает силы батька твой,
Пускай ему залечит раны сон,—
Лихие раны, что огнём горят,—
Чтоб снова мстил врагам проклятым он
За всех детей, что в эту ночь не спят,
За все могилы в поле и в лесу,
За землю нашу,

за отчизну всю!

Не плачь, засни, сыночек мой родной,
Я для тебя украшу, приберу
Родимый край

цветами,

синевой

И ярким солнцем небо озарю...

Раина вадрагивала.

За стеной

Был слышен выюги бесприютный вой.
И мотыльком

метался

золотым

Сухой лучины вспугнутый огонь.

Зима навеяла на топи,

на кусты,

Наскирдовала — не пройти — стогов.

Уж трудно было выйти за порог,—

За краем света был, казалось, Лог.

Шли слухи:

белостокский комендант,

Чтоб устрашить окрестных партизан,

В село прислал карательный отряд,

И новый Курт уже грозил лесам.

И, что ни день, то делалось трудней.

Отряд немало потерял людей—

Кто в плен попал,

а кто от пули лёг.

Янук, навывлет раненный в плечо,

Хирел и кашлял,

встать никак не мог.

— Лукаш бы жил, каким-нибудь хвощём

Или травой купальской полечил,—

Сказал Толкач.— Тут мог бы помогчи

Ещё Заруба-фельдшер, хоть давно,

Слышать, забросил врачеванье он—

Недужит тоже,—

так что всё равно.

К тому ж опасно, враг со всех сторон...

Раина знала:

к фельдшеру сходить

Пытались многие, но ни один

Домой не воротился партизан,—
Дорога к жизни гибельной была...
Куда, зачем — ни слова не сказав,
Раина с утренней зарёй пошла
В Червоный Лог к Зарубе.

До темна

Вернуться к сыну думала она.
День ясный выдался. Над снегом молодым
Играло пламя голубых лучей,
В цветах мохнатых инея

сады

К земле сгибали серебро ветвей.

Сердитая нахлынула зима;
Засыпанные выше стрех дома
Как будто вымерли.

Лишь горький чад,
Из труб кривых ползущий не спеша,
Напоминал о жизни.

Возле хат

Раина задержалась не дыша.
В душе её начался трудный спор —
Итти ли дальше,

или, может, в бор
Скорей вернуться?..

Знаком пред бедой
Внезапно, в этот чистый час зари,
Горячей в сердце зазвенел струной
Ребёнка плач и колыбели скрип.

Раина долго колотила в дверь,
Пока,

не вызнав — кто, откуда,—

ей

Открыли.

Фельдшер сгорбленный, с клюкой,
Едва ходил.

— Я здешняя, своя,
Дочь Лукаша,— охотник был такой,
Быть может, знаете?

— Ну, ластынька моя,
Что скажешь? Помню — скоро год тому —
Я был на свадьбе у тебя в дому...—

Раина, от бессилья зарыдав,
Поведала ему про Янука.

— Уважил бы тебя, да вот беда:

Итти далёко не могу никак,

Да и в глазах и в голове темно,—

Ведь я и не лечу уже давно,

С войны в сарай инструмент бросил свой...—

Губами вдруг к руке его, в слезах,

Она припала с горестной мольбой:

— Янук умрёт... С чем я вернусь назад?..

Ведь он — судьба моя, он должен жить!

Весь век я буду верно вам служить

За помощь вашу...

Боже, ты видал —

Покинула я сына, чтоб пойти!

Так помоги, чтоб муж мой не страдал

И смерть рукой всеильной отведи!

— А далеко ли твой Янук живёт?—

Спросил старик.— Мне, может, и за год

С клюкой своей туда не дохромать?—

Подробно выпросил Раину он.

Дорогу до смолярни отыскать

Не трудно было,— с молодых времён

Ходил туда Заруба по грибы.

А после, все дела свои забыв,

Горелку часто гнал на островах,—

Гнал при царе и при панах, пока,

Колхозом властью данной — всем на страх,—

Его „хозяйство“ не свернул Лукаш.

Заруба знал тогда, что от беды
Лукаш затёр виновника следы.
Но всё ж на друга давнего серчал.
Теперь, поведав, что он спит в земле,
Старик от жалости затосковал,
Забеспокоился, на печь полез
За кожуком.

— А ты иди, не стой!

Я всё равно ведь не ходок с тобой.
Дорогу сам по памяти найду...—
Раина вышла за порог.

Светлей

На сердце стало, словно тучи дум
Тревожных ей привиделись во сне.

Спешит домой, не чуя ног своих!
Минула незаметно часовых,—
Те были заняты: смолили кабана.
Но вдруг один из них окликнул:

— Хальт!¹

Когда ж не задержалась она
И кинулась, петляя между хат,
Её догнали.

— Кто ты? Партизан?—

Ни слова не могла в тот миг сказать—
Так дух перехватило на бегу.
Приклад винтовки солнце погасил,—
Оно лишь болью вспыхнуло в мозгу,
Но заслониться нехватило сил...

Её втащили в хату.

Комендант

Спросил о чём-то сумрачных солдат,
И те поспешно вышли.

У стола,

¹ Хальт — стой (немецк.).

Не поворачивая головы, сидел
С газетой кто-то.

Как игла прожгла
Раине сердце:

 надо вспомнить, где
Она видала этих плеч покат,
Затылок этот, спину...

 Комендант
Всю оглядел её поверх очков:
— Откуда ж ты, красавица, пришла?
— Проведать захотелось свояков.
Я родом из соседнего села...

Швырнув газету, тот, что мучил, встал:
— Раина!..

 Сколько я тебя искал!
Выспрашивал у всех, в леса ходил
И вот опять увиделся с тобой!
Да, зря Гарыдовец судьбу корил...
— Как вижу, с этой кралей расписной
Знаком мой староста?

 — С женой Сялибы я
Давно знаком, старинные друзья.—
Гарыдовец не знал, что погубил
Раину этим.

 Сизый комендант
Его не слушал больше и звонил,
Чтоб спешно выслали к нему солдат.

Раину бросили в холодный хлев,
Где наверху синела щель во мгле,
А на земле соломы грязной клок
Ржавел в углу.

 Измучившись, она,
Едва переступивши за порог,
Упала.

 Горестная тишина,

Как озеро, сомкнулася над ней.
Ей стало жаль всех недожитых дней,
Жаль покидать далёкую звезду,
Что над её ребёнком в этот час
Светила тихо, отводя беду,—
В последний раз,
 всё, всё в последний раз!

Когда ж полночный сон заморозил,
Вдруг встретилась средь колосистой ржи
С бессмертным Куликом.
 — Куда спешишь

Ты, музыкант?
 — Просил народ зайти —
У Янука в лесу крестины, слышь,
Да вот смолярню не могу найти...
.
Не знала, долго ль этот трудный сон
Тянулся.

Полночью глухой огонь
Раина различила пред собой.
— Не бойся, я — Гарыдовец... Хотел
Поговорить наедине с тобой,
Да ты спала, а я будить не смел.

— Напрасно ты пришёл в мою тюрьму.
Сюда врагу лишь только моему
Свободный путь.

 — Раина, я принёс
Тебе свободу, вымолил её.
И не кляни судьбу, что довелось
Нам снова встретиться с тобой вдвоём.
Отсюда нет тебе иных путей.
— Волк вря не разожмёт своих когтей.
Какую ж плату ожидаешь ты?
Нет у меня ни хаты, ни кола,

И нет мешка червонцев золотых,
Чтоб выкуп я отдать тебе могла.

— Ты угадала,

только про одно
Забыла, что люблю тебя давно,
Люблю, Раина!

Так пойдём со мной!
Мне одному не мил весь божий свет.
А без меня — не вырвешься живой.
Пан комендант сказал, чтоб ты на след
Нас вывела к берлогам мужиков, —
И так Сялибе приговор готов:
Погибнет сам, погубит всех людей, —
Теперь кругом, у каждого села,
Куда ни кинься, немчура везде,
А ты хоть сына б
уберечь могла!

— Немного просит немец! Передай,
Что всё ж дорогу в партизанский край
Ему не покажу.

Да и чего
Торопится он побывать у нас?
Янук не гордый, пана твоего
Проведает, уж недалёк тот час!
И знай, Гарыдовец,
когда я шла,
Мне злота душу навсегда сожгла.
За пепел,

за могилы без имён,
За виселицы в тьме вороньих стай, —
Запомни: будет страшный суд свершён! —
Так им от партизанки передай!
Я знаю, как мне сына убережь.
Вы можете меня терзать и жечь,
Но допытаться не удастся вам,

Какие сосны лагерь стерегут,
Какие звёзды ночью светят там
И что за тропы в этот край ведут.
А иродов настигнет смерть пускай,—
От жонки-партизанки передай.
Меня, Гарыдовец, не мучь, покинь,—
И так немного у меня минут...
Чем быть твоею — с омутом реки
Сдружусь я лучше,
лучше — пытки, кнут!..

— Шальная! Будет хуже ведь самой! —
Сказал, запор задвинув за собой,
Гарыдовец.

Но к коменданту он
Являться в эту пору не хотел —
Был не в себе и зол,—
хотя огонь

Ещё в окне заснеженном горел.
С болот донёсся долгий волчий вой.
Гарыдовец припомнил, как весной
Охотился с Сялибой Януком,—
Злость закипела в сердце, что тогда
Он не убил его, а мог легко,
Беды куда бы меньше увидал.

Всё гуще плыл
голодный, мрачный вой
Над белой, замирающей землёй.
Его в лесу и фельдшер услышал,—
Как ни спешил, застала ночь в пути.
Уж он и не курил, не отдышал,
А всё не мог со светом добрести.
Сдавалось временами, что вдали
Как будто привиденья лесом шли.

— А может, волки отыскали след?—
Гадал Заруба.

Задержался он
И, вынудив из-за пазухи кисет,
Кресалом взялся высекать огонь.

Когда ж Заруба лучше поглядел,
Вдруг в привиденьях распознал людей.
Один в шинели русской, борода,
Другой—в худых лаптях поверх сапог,—
Видать, не немцы. Кто ж они тогда?
Чего идут-бредут в Червонный Лог?..

— Свои мы, русские, не бойся, дед!
Идём издалека. Скажи нам, где
Погреться можно и переночевать!
Плутаем уж подряд вторую ночь...

— В Логу вам, хлопцы, нечего искать—
Холодный пепел там лежит давно.

Там виселицы день и ночь скрипят,
С волками ветры чёрные гудят.

— Скажи на милость, из села никто
Не уберётся? Может, невзначай
Слышал про Янука Сялибу что?

— Да про него шумит весь этот край.
Зачем тебе он надобен, солдат?
Ты сам-то кто?

— Ему я буду брат—
Василь Сялиба. Мне тут, дед, сполна
Знакомо всё—

и люди,

и земля...

— Тогда идём, одна дорога нам,—
Сказал Заруба

и заковылял.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

И средь имён, прославленных навек,
Немало было наших близких и знакомых.

П. Глебка

Приход Зарубы, фельдшера, помог
Подняться Януку.

Теперь он мог,
Хоть и придерживаясь за стену,
На волю выйти, поглядеть на лес,
На лист оттаявшей полыни, на весну,
Что уж трудилась средь болот во мгле,
Где набухали почки лозняка.
И лишь судьба Раины Янука
Всё горше мучила. Он слышал от людей,
Что староста, подвыпив, говорил
Про пленницу какую-то, а где
И кто она — не выдал,
затаил.

Но скоро слух о ней в лесах умолк.
Одной отрадой в этот горький срок
Явилась встреча

с братом Василём.

Когда всходил полных звезд посев
И в зыбке сын позабывался сном,
А из смолярни уходили все,—
Янук расспрашивал у Василя
Про весь им пройденный с боями шлях —
От Беловежи

и до волжских вод,

Про вести фронтовые, про Москву,
Про земляков, ушедших на восход,—
Как тужат по отчизне,

как живут.

Не только ради праздности Янук
О всём хотел доведаться,— ему

Не раз случилось встречать людей,
Что говорили:

— Рано, рано, брат,
Собрался ты в леса губить зверей...
— Неведомо, когда до наших хат
Придут опять червонные полки...—
Да и гарыдовцевы свояки
Шептали:

— Для чего итти, куда?
Москве уж скоро так и так каюк...
Что слухам злым ответить мог тогда,
Сам ничего не ведавший, Янук?

Теперь он жадно слушал Василя:
— Я был в Москве,

я был у стен Кремля.
Ночь помню тёмную...

В холодной тишине,
Ища бессонно вражий самолёт,
Прожектора сплетались в вышине.
Москву-столицу защищал народ.
Москва, брат, щит народов боевой,
И Гитлер лоб расшиб свой об него!

.
Немало по окопам я видал
Ребят своих на всех путях войны,
И все они спешат прийти сюда,
Пробиться к нивам
отчей стороны.

И хоть себя сиротами нигде
Не знали мы —

ни в счастье, ни в беде —
И хоть повсюду — братская земля,
Почёт и место — за любым столом,
Но, как птенцам, покинувшим поля,
Нам горько было думать о родном.

Припомнил каждый молодость свою
И песни, что певал в своём краю,
И звон криниц,
и пыль лесных дорог,
И летний день,
и осени пору,—
Припомнил каждый всё, что только мог.
Бесценным кладом стала Белорусь.

Глаза закроешь — видишь наяву
Руины Минска —
в пламени, в дыму;
А припадёшь к седой груди земли —
Услышишь стон наднеманских лесов
И голос матери тоскующий вдали...
В часы такие из своих ходов
Мы выползали за крутой накат,
Винтовки сжав в пылающих руках.
И горе,
если немец-часовой
Предупредить не поспевал своих!
Все до единого платили головой
За нашу скорбь
о небесах родных.

Однажды в штабе, помню, утром мне
Сказали:
„Слушай, на Березине,
На Нарочи,
во всех твоих местах
Собираются отряды партизан,
Наладить нужно связь. Так вот — доставь
Туда им сталинский приказ и план:
Бить оккупантов,
рвать пути,
мосты,

Чтоб запылал до звёзд немецкий тыл!¹
И я пошёл с доваторцем одним.
Как будто век шагали мы сюда,
Смерть не одну перебороли с ним,
Пока искали вашего следа.—

„Гляди, кацо!¹—сказал я.— У реки
Немецкие лежат грузовики.
Гляди и смейся, брат! Вон у моста
Цистерны перебитые стоят,
И под откосом корчится состав —
Вагоны,

немцы,

танки их горят!

Товарищей работу узнаю.

Гляди, кацо, на Белорусь мою!“

За окнами

среди голубых ветвей

Всё ярче рдели звёзды.

Бор не спал,

Разбуженный капелью,

и с ветвей

Медведем снег косматый оползал.

Весна трудилась.

Облаком густым

Она застлала топи и кусты.

Когда же солнце озаряло лес,—

Меж корневищ

замшелых и седых,

Звеня тихонько в первобытной мгле,

Синели жилы молодой воды.

При тёплом ветре скоро мог с болот

Погнать плоты серебряные лёд

И все пути на лагерь перервать.

¹ Кацо — друг (грузинск.).

Пан комендант спешил,—
пройдёт весна,
И уж ему Сялибу не достать:
Леса, трясины
без конца,
без дна!

Он вызвал старосту:

— Скорей женись,
Пока дороги в бор не расползлись
И от тебя я кралю не забрал.
Что, всё молчит невольница твоя?
Ведь ты давно разведать обещал
Про Янука.

— Не мог подумать я,
Что робкая берёза наших чащ
Карельской крепче.

Уж склонял сто раз,
Чтоб показала тропы партизан
Иль навела хоть на малейший след
И всё ей сохранит пан комендант:
Ребёнка,
молодость
и вольный свет!

Вчера ж, когда в темнице ей сказал,
Что старый фельдшер в руки к нам попал
И он согласен выдать Янука,
Она ответила:

— Он всё испортит вам,
Одна лишь я сумею отыскать
Дорогу в лагерь. Мне знакомы там
Травинка каждая и каждый пенёк...

.....
Минул тревожный для Райны день.
Не знала, что придумать, коль и впрямь
Решил Заруба Янука предать.

Как пролететь по рощам и полям,
Чтоб весть о том в смолярню передать.

Быть может, крикнуть?

Но усталый крик
Развеет ветер в тот же самый миг!
Платком махнуть —

за лесом не видать.

А крыльев нет, не вырваться самой,
Не улететь к друзьям, не рассказать!
Одно по силам: дикою тропой
Смерть от родного отвести гнезда,
Как выпь охотника уводит в даль,
Кружа над ним, пока в глуши лесной,
Подбитая,

в траву

не упадёт...

К утру Раина твёрдою душой
На всё решилась.

Синий, точно лёд,
Блеснул рассвет. Прикладами во двор
Раину выгнали.

Далёкий бор

Туманился, заря навстречу шла.
В дыханьи утра чуялась весна.
И вдруг Раину жалость обожгла.
Мир был таким прекрасным, что она
Хотела на коленях целовать
Проталины

и тронуть неба гладь,

Всё, всё обнять, что, может, в этот день
Она покинет с солнцем навсегда!..
А позади, как чёрной смерти тень,
Ступали немцы по её следам.

У каждого в руках был автомат
И, точно саван, на плечах — халат.

Но, как на свадьбу, шли они легко.
Скрипели розвальни по корке ледяной,
Загруженные скарбом высоко:
Патронами, оружием и едой.
Внезапный ветер синий чад донёс.
На месте хаты фельдшера, берёз,
Что здесь стояли, как живой оплот,
Раина с ужасом увидела:

чернел

Остывший пепел, а вблизи ворот
Зарубы труп, заснеженный, висел.

Сжав крепко зубы, чтоб не выдать дрожь,
Раина простионала:

— Значит, ложь,

Что фельдшер всё открыл и показал.
Как паутиной чёрной, обмотать
Хотел меня Гарыдовец!

Слеза

Ей в сердце пролилась. Поклон отдать
Да, ползая, прощения молить
У мёртвого!..

Но следом грузно шли
Солдат ряды.

Всё явственнее бор

Вставал, испариной весны объят...
Нет, лучше казнь любая, чем позор,—
Крепись, Раина, тверже шаг и взгляд!

Уже давно за далями село
В туманы кануло.

Всё гуще бурелом.

То вдруг лозняк подыметя стеной,
То великаны-сосны, как цари,
В край не пускают вековечный свой,
Все тропы буреломом затворив.
И только в дни весенних гроз и бурь

Влетал,
 плутая,
 ветер в эту хмурь,—
Сосну повалит
 и назад скорей.
Плывёт, плывёт землёй и небом гул
И крестят перепуганных детей
Старухи в полночь дикую в Логу.

Места глухие, даже птицы нет.
Лишь зыбкий мрак.
 Волчиный крупный след
Виднеется промеж косматых хвой.
Коряги,
 пни седые.

 Не поймёшь —
Как будто ночь, не день над головой.
— Не заблудилась ты? Куда ведёшь?—
Всё спрашивал Гарыдовец, и сам
Собакой нюхал стёжку по пятам.
Раина ж дальше, дальше шла и шла...
За ней вился гадюкою отряд.
Ах, если б пуца без конца была,
Чтоб волки не нашли пути назад,—
Никто: ни староста, ни комендант
И ни один подручный их солдат,
Чтоб все здесь в делях полегли густых!
Раина вышла к берегу реки,
Где, знала, были партизан посты,
И стала вглядываться в лозняки.
Но тихо там и не видать следа
Костров недавних...

 Лишь гудит вода
Под льдинами.
 — Куда ж ещё переть?—
Спросил опять Гарыдовец.
 — На брод!—

Раина показала и скорей
Сама взошла на заскрипевший лёд.

Лёд под ногами рвался, западал.
Как смерть, чернела
в полыньях вода.

Но и Гарыдовец и комендант брели
Вслед за Раиной.

Для неё ж другой,
Соседний берег, выплывший из мглы,
Был той счастливой вольною землёй,
Где всё найдёт она —

и отчий кров,
Свою любовь

и дружбу у костров.

Но почему же тихо так кругом
И ни один не шелохнётся куст?
Лишь только ворон диким языком
Вещает что-то в сонную реку.

Лёд вырывался из-под ног солдат,
Иные, вымокнув, бегом назад
Кидались к берегу.

— Тут не пройдёт и чорт!—
Ругался комендант.— Скорей скажи
Ей, староста, чтоб показала брод,
А то не выйдем, на смерть закружит!—
Но в этот миг Гарыдовец и сам,
Кляня весь свет,

солдат
и партизан,
На четвереньках полз.

А льдину, на какой
Была Раина,
вдруг,
заскрежетав,

Вода метнула к берегу волной,
К висящим, точно бороды, кустам.

И сразу ж ей посыпался вдогон,
Как из мешка горох,

огонь,

огонь.

Фашистов пули щёлкали вокруг.
Раина рухнула.

Когда ж она,

Привставши, крикнула:

— Янук! Янук!..—

Ей эхом только дальняя сосна
Отозвалась, седую двинув бровь.

Лёд окропила

вспененная кровь...

Гул выстрелов,

как дальней бури гром,

За льдиной плыл, пока её за лес,

Минуя камни, чёрный бурелом,

Не вынесло.

Потом весь мир исчез!

Услышала ль она на свой призыв
Ответный голос огненной грозы
С другого берега,—

иль, может, нет?

Она не встала больше.

Ни к чему

Теперь на косы ей звенящий снег

Деревья сыпали.

И ни к чему

Её будили волны и ветра

.

Когда затих на переправе бой,
Фашисты, кроясь в темени ночной,

Сложили в сани раненых своих
И, перепуганные, поползли назад;
Осталось больше половины их
Лежать у пней,
вперив недвижный взгляд
В косматые стада ветвей и туч,
Что дружно жили средь небесных круч.
А там, где снег не обнажил корней,
Где меньше было на пути колод,—
Живые гнали бешено коней,
Чтоб вырваться из гибельных болот.

Кривыми сучьями гудящий бор
Их бил и рвал,
а каждый косогор
Валил в овраги, сверху руша лёд;
Шарахались кони на бегу,—
Слепой от страха,
дикий их полёт
Кровь отмечала стёжкой на снегу.
По этой мете партизан гурьба
Шла неотступно,
грозно, как судьба!
Янук,
взглянув по сторонам,
узнал
Места, где прошлый год с Банадыком
Они гнались по следу до темна
За разъярённым раненым волком...

ЭПИЛОГ

И одна у меня — за отчизну —
Сегодня тревога.
И одна у меня — на отчизну —
Сегодня дорога.

П. Панченко

Полночь.

Куранты отбили на Спасской.
Нет, не уйти мне от горестных дум,
Что окружили

и площадью Красной,

Как неотступные тени, идут.
Знаю, сейчас над моею краиной
Виселиц, кладбищ — не сосчитать.
Руки скрутив,

далеко на чужбину

Гонит палач моих братьев и мать.
С запада тянутся низкие тучи.
Но не снежинками сеет метель —
Диких пожарищ пепел летучий
Мне опадает

на лоб,

на шинель.

Пепел далёких просторов, с какими
Связан, как чарами, связан навек
Всеми корнями я

и золотыми

Струнами песен

и жилами рек.

Грезил когда-то: увидеть Таити,
Чтобы в напевах моих полевых
Южного солнца заискрились нити,
Волны звенели прибоев морских.
Был бы сегодня счастливым, как в детстве,
Хоть на руины б вернуться домой,
В очи озёр потемневших вглядеться,
К нивам припасть, опалённым войной.

Знаю:

утрат ещё будет не мало
В этом последнем победном бою.
Верую: скоро

мы с урной Купалы
Вновь возвратимся в отчизну свою.
Может, не все мы, кто живы, увидим
Полдень над Неманом и над Днепром,
Может быть, саваном вьюги обвитый,
Буду лежать под могильным холмом.
Песню ж товарищи в край мой родимый
В касках и ранцах своих донесут,
Песню,

что, горьким объятые дымом,
Сосны,
дороги

и пажити ждут.

Звон проплывает над площадью Красной.
Скоро рассвет.

Всё ясней и ясней
В серых просветах ночи ненастной
Передо мною встают:

мавзолеей,
Башни и звёзды, одетые в иней.
Сколько, Москва, ты мне счастья дала!
Сколько ты раз в грозовую годину
Ясной надеждой,
приютом была!

Знать, оттого

с тобой слиты навеки
Все мои думы и песни души.
Так лишь весною

сливаются реки,
Чтобы
тяжёлые льды

сокрушить!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	3
Глава вторая	10
Глава третья	20
Глава четвёртая	27
Глава пятая	39
Глава шестая	52
Глава седьмая	63
Эпилог	74

Редактор *А. Деев*

Подписано к печати 25.1.1944 г. А2684. Тираж 10 000 экз.
2 $\frac{1}{2}$ печ. л. 3,69 уч.-авт. л. Зак. 1653 Цена 3 р.

6-я типогр. ОГИЗ. Москва, 1-й Самосечный, 17.

3 руб.